

СКАНДИНАВСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И ВОПРОС О ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИИ

В последние десять лет заметно оживился интерес к вопросу о происхождении так называемой Иоакимовской летописи (далее — ИЛ)¹, или, вернее, напоминающего летопись произведения, приведенного В. Н. Татищевым в источниковедческой части своей «Истории Российской»². Споры о природе ИЛ и достоверности содержащейся в ней информации, то несколько утихая, то вновь разгораясь, ведутся уже с самого момента опубликования труда В. Н. Татищева, однако какого-либо определенного решения научному сообществу достичь пока не удалось³.

Мнения колеблются от категорического отрицания подлинности «летописи» и научной ценности сообщаемых ею сведений до использования приводимых в ИЛ данных во вполне серьезных научных разработках. Неоднократно утверждалось (в частности, Н. М. Карамзиным, Е. Е. Голубинским), что творцом ИЛ является сам В. Н. Татищев⁴. Высказывались также предположения⁵, что «летопись» была составлена специально для В. Н. Татищева кем-то из монахов Бизюкова монастыря, возможно, самим архимандритом Мельхиседеком (Борщовым), который и предоставил рукопись В. Н. Татищеву. Однако преобладающим до недавнего времени являлось убеждение в принадлежности ИЛ кругу частично основанных на летописании литературных повестей о начале Руси, распространившихся в XVII — начале XVIII в.⁶ Согласно этой точке зрения, В. Н. Татищев ошибочно воспринял текст стилизованной под летопись поздней повести за образец «донесторова» летописания.

Не менее внушительной является когорта ученых, полагающих, что в определенной своей части текст ИЛ действительно может восходить к прототипу XI в., а отдельные его фрагменты (по мнению ряда ученых) могли быть составлены первым новгородским епископом Иоакимом. К таковым исследователям, с учетом, впрочем, некоторых оговорок, можем отнести

¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XIII веков. М., 2001. С. 345; Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // НИС. СПб., 2003. Вып. 9. С. 5—27; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; К., 2005. С. 196—245; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. СПб., 2007. С. 6—34; Пчелов Е. Рюрик (Сер. «Жизнь замечательных людей»). Вып. 1477). М., 2010. С. 57—67.

² Татищев В. Н. История российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 107—113. Список летописи В. Н. Татищев получил якобы от своего дальнего родственника, настоятеля Бизюкова монастыря архимандрита Мельхиседека, после смерти которого рукопись бесследно исчезла.

³ Об истории этих споров: Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2. Вып. 1. С. 75—93; Линниченко Н. А. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // ЖМНП. Октябрь, 1883. С. 247—257; Творогов О. В. Иоаким // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 204—206; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 196—206; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. С. 7—34.

⁴ Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1816. Т. I. С. XXX—XXXI; Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе. М., 1881. Кн. 4. С. 602—640. Недавно к этому мнению присоединился А. П. Толочко: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 196—245.

⁵ Gorlin M. La Chronique de Joachim // Revue des études slaves. Paris, 1939. Т. 19. P. 49—51.

⁶ Линниченко Н. А. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись. С. 252—257; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 254—270; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История российская. Т. 1. С. 50—52; Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII века о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Вып. XIII. С. 61—62.

С. М. Соловьева⁷, П. А. Лавровского⁸, А. А. Шахматова⁹, Б. Клейбера¹⁰, В. Л. Янина¹¹, С. Н. Азбелева¹².

Как сторонники древности ИЛ, так и их оппоненты согласны в том, что по содержанию и характеру изложения текст распадается на две довольно существенно различающиеся части. Во-первых, это «этнографическое вступление», составленное в духе широко практикуемой в XV—XVII в. наивной актуализации сведений античных источников. Сюда же примыкает повествование о древнем правителе Северной Руси Гостомысле, персонаже, известном также по упоминаниям в Новгородской первой летописи младшего извода, Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской и некоторых других летописях¹³ и по так называемому «Сказанию о начале Русской земли» («Истории о начале Русской земли»), литературному произведению XVII в., где названный персонаж выступает новгородским посадником IX в., завещавшим призвать Рюрика с братьями¹⁴. В ИЛ «Гостомыслова легенда» изложена с необычными, не встречающимися более нигде подробностями.

Вторая часть ИЛ представляет собой сжатое, не содержащее датировок изложение истории правления первых князей от Рюрика до Владимира I, т. е. собственно «летопись», составленную в целом, по выражению В. Н. Татищева, «согласно с Нестором, токмо всё без лет». На общем фоне выделяется довольно пространный и совершенно уникальный рассказ о крещении Новгорода, изложенный как бы от лица очевидца и участника событий (что и позволило приписать авторство Иоакиму).

Истоки и природа «этнографического вступления», в общем, ясны: оно соответствует нередким в польских и русских исторических сочинениях XVI—XVII в. псевдогенеалогическим построениям¹⁵, в которых фигурируют эпонимные персонажи, навеянные этническими названиями из античных и раннесредневековых источников¹⁶. Таковой характер происхождения вступительной части ИЛ прекрасно осознавался самим В. Н. Татищевым¹⁷.

Вторая часть ИЛ (собственно летопись) либо представляет собой парафраз летописного изложения начального периода русской истории с уточнениями и дополнениями, показавшимися необходимыми составителю, либо же является вполне самостоятельной ранней версией древнерусской истории, в которой главный акцент сделан на противостоянии христианства с язычеством¹⁸.

Нигде более не встречающийся рассказ о крещении Новгорода может быть, конечно, полностью вымышленным, но может (в своей основе) действительно восходить к свидетельствам очевидцев, в чем убеждают основанные на археологических данных наблюдения В. Л. Янина¹⁹.

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 175, 186, 203 и далее.

⁸ Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. С. 157.

⁹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. // ЖМНП. Ноябрь, 1900. С. 183. Правда, позднее А. А. Шахматов утверждал, что «Летопись Иоакима» существовала, но это был не тот текст, который привел В. Н. Татищев.

¹⁰ Kleiber B. Nordiske spor i en gammel russiske kronike // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft. 1—2. S. 65, 70. Высказываю глубокую признательность С. Н. Азбелеву за возможность ознакомиться с этой работой.

¹¹ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Исследования и материалы. М., 1984. Вып. 7. С. 55—56.

¹² Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. С. 32—34.

¹³ См. специально: Петрухин В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20—23.

¹⁴ См., в частности: Гилларов Ф. Предания русской начальной летописи. Приложение. СПб., 1878. С. 6, 114, 120—124; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. Приложение I. С. 137—141; ПСРЛ. М., 1968. Т. XXXI. С. 11—13, 28.

¹⁵ Например: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. С. 52—54; ПСРЛ. СПб., 2003. Т. XL. С. 15, 23.

¹⁶ Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. С. 85, 97 и след.; Линниченко Н. А. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись. С. 252—256.

¹⁷ Татищев В. Н. История российская. С. 108, 113.

¹⁸ Ср. Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. С. 156—159.

¹⁹ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев. С. 53—56.

Особого внимания заслуживает как бы связующая обе части ИЛ «легенда о Гостомысле». Обнаруживая отдельные параллели с рассказом о Гостомысле в «Сказании о начале Русской земли»²⁰, она, тем не менее, не может быть признана заимствованной оттуда или восходить к общему с ним источнику²¹ (ср. ниже).

Бросающейся в глаза особенностью вступительной части ИЛ и рассказа о Гостомысле является наличие нескольких топонимов, явно попавших сюда из скандинавских исторических трудов, саг или географических сочинений (Гардорик, Бярмия, Колмогард), что совершенно необычно для русского летописания. Последнее неоднократно рассматривалось как аргумент в пользу подложности ИЛ и составления ее текста кем-то из книжников XVIII в., которые могли пользоваться трудами западных историков²². Вместе с тем даже крайние скептики удерживались от окончательного «приговора» по данному вопросу, понимая, что вероятный сочинитель ИЛ (и тем более сам В. Н. Татищев), если он стремился выдать ИЛ за подлинный древнерусский текст, не мог быть настолько недалек, чтобы приписывать новгородскому епископу специфически скандинавскую терминологию²³.

Как бы мы ни трактовали источниковедческую природу ИЛ, не лишено вероятности, что более тщательное изучение встречающихся в ней названий скандинавского происхождения может пролить свет на время и характер ознакомления составителя ИЛ со скандинавским ономастиком, указав тем самым на некоторые обстоятельства составления загадочного текста.

Скандинавизмы ИЛ не становились еще объектом всестороннего изучения. В 1960 г. в контексте рассмотрения общих вопросов генезиса сведений ИЛ их коснулся норвежский исследователь Борис Клейбер²⁴. Ученый пришел к заключению, что основное содержание ИЛ действительно восходит к составленному в Новгороде прототипу XI в. Упомянутые топонимы, а также неизвестные по другим русским текстам мотивы изложения дают Б. Клейберу основания полагать, что «или сам автор древней части Иоакимовской летописи был скандинавского происхождения, или у него были скандинавские помощники»²⁵. Менее категоричен, хотя в целом солидарен с Б. Клейбером С. Н. Азбелев: «...может быть не сам епископ Иоаким, а кто-то из его окружения, занявшийся по поручению владыки подготовкой летописи, собирая для нее материал, общался не только со славянским населением Новгорода, но и с жившими там скандинавами»²⁶. Конечно, эти выводы остаются на уровне общих предположений, требующих более глубокого историко-языковедческого обоснования.

Оставляя филологическую сторону вопроса специалистам, с точки зрения историка, важно отметить, что скандинавские топонимы ИЛ (Колмогард, Бярмия, Гардорик) имеют контекст, отличный от того, который они имеют обычно в сагах. Название «Колмогард», которое по форме явно напоминает «Хольмгард»²⁷ (Holmgård = Новгород скандинавских источников²⁸), означает в

²⁰ Ср. Алексеев В. Фольклорный первоисточник Новгородской традиции XVII века // Проблемы источниковедения и политической истории. М., 1995. С. 3–33.

²¹ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 47–55.

²² Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. С. 112–114; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 221–224; Пчелов Е. Рюрик. С. 61.

²³ Сам В. Н. Татищев полагал, что Иоаким эти названия от «бывших в Новгороде нордманов взял» (Татищев В. Н. История российская. С. 283).

²⁴ Kleiber B. Nordiske spor i en gammel russiske kronike. S. 56–70.

²⁵ Там же. S. 70.

²⁶ Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. С. 19–20.

²⁷ Название Colmogardia упоминает в записках о Московии участник посольства 1661 г. Севастьян Главинич (см. ниже). Шведские историки Страленберг и Э. Ю. Биорнер, отождествляя Колмогардию и Хольмгард, связывали этот топоним с областью (Старой) Ладогой (Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 21; Татищев В. Н. История российская. С. 285). Однако В. Н. Татищев отделил «Колмогард» от «Гольмгардии», отождествив первый с селом Бронницы (на том основании, что окрестные жители особо почитали находившийся там холм), а вторую с Кексгольмом в Карелии (Татищев В. Н. История российская. С. 116, 284–285). Может ли это быть аргументом в пользу сочинения В. Н. Татищевым текста псевдо-Иоакима? Последнее можно было бы утверждать, если бы у Иоакима рядом с Колмогардом фигурировала и Гольмгардия, но таковой нет.

²⁸ Джексон Т. Н. Austr I Gördum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 63, 93–104.

ИЛ не центр Руси (как Хольмгард в сагах), не столицу ильменских словен и даже, по-видимому, не город вообще, а некое сакральное место, куда отправляется Гостомысл, дабы испросить вещунов о будущем. Наряду с областью «Бярмия», очевидно, соответствующей Бьярмаланду (Bjarmaland) саг, в ИЛ упомянут также «град Бярмы, иже на острове крепце устроенный», явных соответствий в сагах не находящийся.

Еще более странному изменению подверглось общее название Руси Гардарики (Gardariki), превратившись в Гардорика, князя, который был в подчинении у вождя всех славян Вандава, но потом отправился воевать на запад и не вернулся. В соратнике и «свойственнике» Гардорика Гунигаре²⁹ иногда узнают Кэнугард (Kænugarðr), т. е. Киев саг, но, видимо, корректнее предложенное уже В. Н. Татищевым сопоставление Гунигара с Chunigard — еще одним скандинавским названием Руси, встречающимся у Адама Бременского³⁰.

Указанные несоответствия в трактовке названий подводят к выводу, что пользовавшиеся какими-то древнескандинавскими сочинениями или же литературой о таковых составители текста ИЛ либо очень поверхностно владели соответствующим материалом, либо целенаправленно исказили значение древних топонимов.

Возможно, список скандинавизмов ИЛ следует увеличить за счет реки Кумени, обозначающей предел Бярмии, которой владел отец Гостомысла Буриной. Вопреки впервые высказанному уже В. Н. Татищевым и преобладающему в литературе мнению, согласно которому Кумень ИЛ соответствует реке Кимень (или Кюмень) в Финляндии³¹, это название, может быть, стоит сопоставить с гидронимом Кума, упоминающимся в скандинавских географических сочинениях.

По мнению Е. А. Мельниковой и Т. Н. Джаксон, Кума может соответствовать притоку Волги р. Каме³². Именно в районе Камы находился восточный (или юго-восточный) предел Пермской (Перемской) земли, известной по новгородским источникам XII—XV вв.³³ Последняя же и по названию³⁴, и по географическому положению³⁵ может соответствовать Бьярмаланду скандинавов и, следовательно, в какой-то мере Бярмии ИЛ.

Таким образом, если верны отождествления Кумень = Кума и Кума = Кама³⁶, получается, что в данном случае географические ориентиры рассказа ИЛ о Гостомысле примерно соответствуют представлениям времен поздней Новгородской республики. Вмешательство книжника XVIII в., знакомого с древнескандинавским топонимиком, здесь кажется гораздо менее вероятным.

Еще одна интересная аналогия напрашивается при допущении, что форма «Колмогард» ИЛ действительно отображает скандинавское «Holmgardr». Ряд современных исследователей

²⁹ Можно предположить, что отправившиеся воевать на запад «свойственники Вандава» Гардорик и Гунигар возникли под влиянием известий о вандальских королях Гундерике и Гензерике (Гейзерике), о которых повествуется, в частности, у М. Меховского (вандалы считаются здесь славянским племенем) (Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Перевод и комментарии С. А. Аннинского. М., 1936. С. 76).

³⁰ Татищев В. Н. История российская. С. 114. Ср. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 127, 153.

³¹ Татищев В. Н. История российская. С. 115; Gorlin M. La Chronique de Joachim. P. 47; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 223. Отождествление Кумень — Кимень лишь догадка В. Н. Татищева, ИЛ не содержит никаких уточняющих географических ориентировок на этот счет.

³² Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 35; Джаксон Т. Н. Austr I Gørdum. С. 31—32, 36.

³³ См., в частности: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 110—112.

³⁴ Скандинавское «Бьярмаланд» не восходит, конечно, к древнерусскому «Пермь», «Перемь», как и наоборот; по-видимому, оба названия независимо произошли от соответствующего финно-угорского термина, обозначающего примерно «соседняя земля» или «отдаленная земля» (см.: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 197—200).

³⁵ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 197—200; Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 38—46.

³⁶ Приращение *-ень* к скандинавской форме могло возникнуть под влиянием *Камень* — обычного для XIV—XVI в. обозначения Уральского хребта, находящегося к тому же в непосредственной близости от Прикамья.

вопроса о древнейшем Хольмгарде пришли к выводу о том, что первоначально это название относилось не собственно к Новгороду (возникшему по течению р. Волхов около 30-х годов X в.), а к поселениям у побережья оз. Ильмень — либо к Рюрикову Городищу, как считает Т. Н. Джаксон³⁷, либо к группе поселений северо-западной части Ильменского бассейна, как полагает, в частности, Е. Н. Носов, присоединившийся к высказываемому ранее мнению Б. Клейбера³⁸. В обоих случаях предполагаемый первоначальный Хольмгард оказывается в непосредственной близости к знаменитому языческому святилищу в местности Перынь (у истока Волхова на Ильменском озере). О Перыни на Ильмене рассказывает «Сказание о начале русской земли»³⁹ (далее — СНРЗ). Реальность существования святилища уже в IX в. подтверждается археологически⁴⁰. Весьма примечательно поэтому, что в ИЛ Колмогард оказывается именно святилищем, где пребывают вешуны: «иде Гостомысл в Колмогард впросити боги о наследии... принесе жертвы многи и вешуны угобзи». Поскольку все имеющиеся данные указывают на то, что в IX в. Перынь была наиболее важным культовым центром будущих Новгородских земель⁴¹, весьма вероятно, что термин «Колмогард» может относиться в данном случае либо к самой Перыни, либо к одному из близлежащих поселений.

Таким образом, получалось бы, что текст ИЛ зафиксировал то состояние, когда понятие «Хольмгард» относилось еще к поселениям ближайших окрестностей Перыни, что вполне согласно с гипотезами Б. Клейбера — Е. Н. Носова и Т. Н. Джаксон о первоначальном Хольмгарде на северном побережье Ильменя.

Впрочем, далеко идущих выводов из этих наблюдений делать, конечно, нельзя, поскольку при множестве неясностей с источниками и происхождением топонимов Кумень и Колмогард отмеченные совпадения могут оказаться лишь случайными.

Возвращаясь к мнению Б. Клейбера и С. Н. Азбелева о возможном влиянии скандинавских преданий на формирование текста ИЛ, обратим внимание на интересную параллель между указаниями ИЛ и одной из исландских саг «о древних временах» — «Саги об Одде Стреле». Только ИЛ содержит упоминание о том, что соратник Рюрика Олег («Вещий») был родом из Норвегии: «предаде (Рюрик. — С. К.) княжение и сына своего шурина своему Ольгу, варягу сусчу, князю урманскому»⁴². Как известно, летописный Вещий Олег давно уже сопоставляется с героем упомянутой саги по имени Орвар-Одд (Одд Стрела), уроженцем Норвегии⁴³.

Согласно сюжету саги, Одд долгое время правил в Гардарики (на Руси) и умер от укуса змеи, притаившейся в черепе коня, в соответствии с данным ему предсказанием. Явно совпадая в этом с летописным рассказом об Олеге, Одд Стрела, кроме того, происходит из рода правителей острова Хравниста в Халогаланде на севере Норвегии⁴⁴, соответствуя, тем самым, уникальному указанию ИЛ о норвежском (и «княжеском») происхождении Олега⁴⁵.

³⁷ Джаксон Т. Н. Austr I Gördum. С. 90–92.

³⁸ Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 33; Джаксон Т. Н. Austr I Gördum. С. 86–89.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXXI. С. 12; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 138.

⁴⁰ Носов Е. Н. Новгородское Рюриково городище. Л., 1990. С. 176–178; Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 170–177.

⁴¹ Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 92–93; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 515.

⁴² Татищев В. Н. История российская. Т. I. С. 110.

⁴³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 262–263; Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 230–245; Сухомлинов М. И. Исследования по древнерусской литературе. СПб., 1908. С. 270–272; Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Вещего Олега // Известия II Отделения Российской Академии наук. 1924. Т. XXIX. С. 262–275; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 186–191.

⁴⁴ Хотя рос и воспитывался Одд в местности Ядар на юге страны.

⁴⁵ Немаловажно, что В. Н. Татищев (История российская. Т. I. С. 117) ошибочно считал Урманию областью Швеции, что снижает возможные подозрения в преднамеренном «подталкивании» им читателя к мысли о достоверности ИЛ.

Конечно, все это может быть названо цепью случайных совпадений, тем более что природа параллелизма между летописными сказаниями об Олеге и преданиями об Орвар-Одде не до конца ясна⁴⁶. Принадлежит к кругу так называемых «Саг о древних временах» (или же «викингских саг»), в которых черты реальности тесно переплетены с многочисленными мифологическими и фантастическими элементами⁴⁷, «Орвар-Одд сага» не считается достаточно надежным историческим источником⁴⁸. Кроме того, нельзя, конечно, исключать, что ученый — составитель «летописи» назвал Олега «урманским князем» просто наобум, создавая впечатление обстоятельности.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, в какой степени рассказы «Саги об Орвар-Одде» могут отображать действительные события, можно констатировать наличие явных и значительно более многочисленных параллелей между еще одним из ее персонажей и рассказом Иоакимовской летописи о Гостомысле.

Согласно указаниям саги⁴⁹, ее главный «антигерой» — противник Одда Стрелы по имени Огмунд Флоки Ейтйовсбани (Ögmundur floki Eyþjofsbani) — родился на территории Бьярмаланда, длительное время боролся с норманнами-викингами, а позднее стал конунгом в Хольмгарде, правителем Гардарики и Аустрвега (Восточной Прибалтики)⁵⁰. Гостомыслу (в рассказе ИЛ) свойственны практически все те же биографические детали, с тем отличием, что вместо викингов речь идет о варягах, а место Хольмгарда занимает Великий град Славенск, мыслившийся как бы предшественником Новгорода в качестве центра земель будущей северной Руси.

«Сага об Орвар-Одде» сохранилась в двух кратких версиях, условно называемых редакцией S и редакцией M, прототипы которых восходят ко второй половине XIII в.⁵¹ К редакции M восходит группа пространных редакций A, B, E, очень близких между собой и датируемых XV в.⁵²

Одно из главных отличий между краткими и пространной версиями состоит как раз в том, что в первых нет сюжетов о жизни Огмунда Ейтйовсбани и о его борьбе с Оддом. Но обе краткие версии содержат рассказ о битве при Эльфскере, где Огмундом был сражен побратим Одда Торд, что, согласно пространной версии, послужило причиной последующей борьбы Одда с Огмундом. Повествование о судьбе Ейтйовсбани, история его борьбы с Оддом не представляют

⁴⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 489–492; Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный чл.-кор. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95–108.

⁴⁷ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. С. 7–22; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 435–442; Прицак О. Походження Русі. Київ, 2003. Т. II. С. 329–436.

⁴⁸ В то же время на сегодня существует уже немало исследований, убедительно демонстрирующих наличие исторической основы в рассказах «Саг о древних временах», в частности, касающихся Руси: Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси // Вопросы истории Европейского Севера (историография и источниковедение). Петрозаводск, 1989. С. 128–144; Мачинский Д. А., Панкратова М. В. Северная Русь и саги о древних временах // Европа — Азия. Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 23–46; Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях. Ср. также: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 435–442 и далее.

⁴⁹ Классическим научным изданием саги считается вышедшее в Лейдене под редакцией Рихарда Бура: Örvar-Odds saga. Herausg. von R. C. Boer. Leiden, 1888 (<http://www.archive.org/details/orvaroddsagaaca00boeruoft>), где приведены все основные редакции. Знакомство с содержанием саги облегчает английский перевод расширенной версии (редакция A): Atrow-Odd: A Medieval Novel. Translated with an introduction by P. Edwards and H. Palsson. New York; London, 1970, а также немецкий перевод редакции S: Örvar-Odds saga. Die Saga vom Pfiel-Odd. Herausg. von B. Menge, T. Pietch etc. Leverkusen, 1990.

⁵⁰ Об Огмунде Флоки см. также: Прицак О. Походження Русі. Т. II. С. 340–343.

⁵¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 440; Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. С. 15; Прицак О. Походження Русі. Т. II. С. 332. Ср. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. С. 111.

⁵² Boer R. C. Einleitung // Örvar-Odds saga. Leiden, 1888. S. 1–IX; Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. С. 109–113. Ср. стемму вероятного соотношения редакций: Boer R. C. Einleitung. S. XXXIV.

собой целостной вставки, а разделены на три больших фрагмента⁵³, перемежающихся с событиями, изложенными в кратких версиях.

Рассмотрим подробнее соответствия между ИЛ⁵⁴ и сагой.

Рассказу о Гостомысле предшествует краткое сообщение о Буриное, его отце (по другим источникам неизвестен): «Буриной, имея тяжку войну с варяги, множицею побеждаше их и облада всю Бярмию до Кумени. Последи при оной реке побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся, иде во град Бярмы, иже на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластнии пребываху, и тамо пребывая, умре. Варяги же, абие пришедше град Великий и протчии обладаша и дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь».

Одним из центральных эпизодов «Орвар-Одд саги» является рассказ о набеге ее главного героя Одда Стрелы на Бярмаланд, во время которого он причиняет «много неприятностей» его жителям (Воег, 28–35, 126; ЕР, 11–15, 63)⁵⁵. Правит Бярмаландом конунг Харек — вместе со своими приближенными он готовит месть викингам и лично Одду (Воег, 126: 15–21; ЕР, 63). Однако прежде чем удастся осуществить эти замыслы, весь Бярмаланд попадает под власть могущественного викинга Эйтйова и вынужден платить ему тяжелую дань (Воег, 127: 6–10; ЕР, 63–64).

«Людие же терпяху тугу велику от варяг, пославше к Буриное, испросиша у него сына Гостомысла, да княжит во Велице граде». Свои надежды бярмы возлагают на сына конунга Харека Огмунда, рожденного от демонической великанши. Его посылают на обучение к финнам, где он постигает все виды чародейства, становится очень сильным и расчетливым. С отрядом своих людей Огмунд поступает на службу к Эйтйову⁵⁶ и совершает совместные походы с викингами (Воег, 126: 18–33, 127: 10–14; ЕР, 63–64).

«И егда Гостомысл приа власть, абие варяги бывшия овы изби, овы изгна, и дань варягом отрече...» Эйтйов проникается доверием к Огмунду и настолько дружелюбно относится к нему, что по собственной воле освобождает его родной Бярмаланд от дани. Огмунд платит за это черной неблагодарностью: он убивает Эйтйова спящим⁵⁷ (отсюда прозвище Огмунда: «убийца Эйтйова»). В результате викинги утрачивают контроль над Бярмаландом, а Огмунд Эйтйовсбани становится очень могущественным и влиятельным человеком (Воег, 127: 15–21; ЕР, 64, 72).

«...Дань варягом отрече, и шед на ня, победи...» Огмунд во главе небольшой флотилии ходит в викингские походы. У западного побережья Швеции (остров Эльфскере) он встречает корабли особо ненавистного бярмам Одда Стрелы и, вступив с ним в сражение, уничтожает почти всех людей Одда, а также его побратима по имени Торд (Воег, 88–95, 127: 22–25; ЕР, 37–39, 64).

Гостомысл «...град во имя старейшаго сына своего Выбора при мори построи». Одд, в свою очередь, стремится отомстить Огмунду. Он узнает, что Ейтйовсбани пребывает в местности Хеллуланд⁵⁸, и направляется туда. Высадившись на побережье, Одд обнаруживает здесь мощную

⁵³ Örvar-Odds saga. Leiden, 1888. S. 126–137, 186–190.

⁵⁴ Татищев В. Н. История российская. Т. I. С. 108, 110.

⁵⁵ Здесь и далее сокращение Воег означает ссылку на исландский текст «Орвар-Одд саги» в издании Р. Бура: числа означают номера страниц и строк (после двоеточия); сокращение ЕР указывает на издание П. Эдвардса и Х. Палсона (New York; London, 1970) с номерами страниц.

⁵⁶ То, что Гостомысл стал правителем Великого града в то время, когда последний находился в даннической зависимости от варягов, может означать, что он фактически оказался у варягов на службе и только после этого (вероятно, воспользовавшись оказанным доверием) «варяги овы изби, овы изгна», точно так же, как и поступает Огмунд.

⁵⁷ Следует, конечно, делать поправку на характерную для саг черту — объяснять неудачи скандинавов в борьбе с чужестранцами обстоятельствами, не зависящими от силы и воинского умения первых.

⁵⁸ Комментаторы саги об Одде обычно размещают Хеллуланд на побережье Северной Америки, так как земля с таким названием упоминается среди стран, открытых далеко на западе Лейвом Счастливым. Однако контекст упоминаний Хеллуланда в саге о Хальфдане, пасынке Брани (*Þrjúak O. Þóðdennja Rusi*. Т. II. С. 364), и в пряди о Вале (*Glázyrina G. V. Ísländskje víkíngskje saði o Severnoj Rusi*. С. 87) позволяет предполагать, что

крепость, в которой находится Огмунд со своими приближенными. Одд вызывает Огмунда на битву, в которой гибнут восемь лучших дружинников Огмунда, но Одд теряет своего сына по имени Вигнир (Воег, 130–133; ЕР, 68–71).

«Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим...» Согласно саге, Огмунд имеет устрашающую внешность и грозный взгляд, производя сильное впечатление даже на героического Одда (ЕР, 37), он неуловим, способен предвидеть будущее и наделен такими магическими способностями, что признается скорее духом, чем человеком (ЕР, 39, 71, 74). Он мужественно сражается и не уклоняется от битв с преобладающими силами викингов, оставаясь непообежденным (ЕР, 37–38, 70, 104–105).

«Сего ради вси околни чтяху его и дары и дани даюсче, купуя мир от него. Многи же князи от далеких стран приходжаху морем и землю послушати мудрости и видети суд его... Гостомысл... созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович...» Женившись на дочери могущественного великана Гейрёда, конунга в Гейрёдагарде, Огмунд становится фактическим правителем этого, судя по контексту, очень влиятельного центра и собирает дань со всех конунгов Аустрвега (Воег, 134: 13–25; ЕР, 72). В дальнейшем под именем Квилланус Огмунд Флоки становится правителем Хольмгарда и всей Гардарики (Руси), которая разделена на множество земель, имеющих своих правителей (Воег, 186: 22–25, 187: 12–22; ЕР, 103–105)⁵⁹. Конунги Аустрвега и Гардарики почтительно относятся к Огмунду, платят ему дань, являются на войну по его призыву (Воег, 134, 187: 20–29; ЕР, 73, 103–104).

Гостомысл «учини с варяги мир и бысть тишина по всей земли». Огмунд неоднократно обращается к Орвар-Одду с предложениями о перемирии (Воег, 132: 20–26, 188: 5–10; ЕР, 70, 104), но тот жаждет мести за смерть своих побратимов и сына. Но все же, убедившись в невозможности уничтожить заклятого врага, Одд смиряется и прекращает войну с ним. За это Огмунд присылает ему богатые дары «со словами дружбы в придачу» (Воег, 190: 20–24; ЕР, 106).

«Гостомысл имея четыре сына и три дщере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому изомроша и не остася ни единого им сына...» Сага говорит о гибели в битвах жены, тестя и сына Огмунда (Воег, 135: 15–27, 188: 29–31; ЕР, 73, 105), а также о гибели восьми «лучших людей» Огмунда, которые были во всем похожи на него и наделены, как и он, магическими способностями (ЕР, 37–38, 69–70).

Могут ли все эти параллели быть признаны простой игрой случая? В какой-то мере можно согласиться с тем, что в «Саге об Одде» обыгрывается набор ситуаций, типичных для прочих «викинских» саг о Восточной Европе («Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна», «Сага о Хрольве Пешеходе»), где почти непременно присутствуют походы на Бьярмаланд, борьба за Хольмгард, но все же внимательное сравнение линии Огмунда в «Орвар-Одд саге» с «этапами жизненного пути» Гостомысла по ИЛ позволяет утверждать, что едва ли в скандинавских сагах, с одной стороны, и русских исторических преданиях (летописях) — с другой, мы найдем еще одну пару персонажей с настолько сходными судьбами.

Как и Гостомысл, Огмунд является сыном правителя Бьярмии-Бьярмаланда. Подобно тому, как измученные варяжской данью словяны, русь и чужь надеются на Гостомысла, бьярмаландцы в ходе борьбы с норманнами делают ставку на Огмунда. Как и Гостомысл, Огмунд «варяги бывшия овы изби, овы изгна, и дань варягом отрече». Он же «шед на ня», т. е. предпринимает заморские походы против норманнов. В обоих случаях упоминается сильная крепость на побережье («град

область с таким названием (Helluland = «каменистая (валунная) земля») существовала и на востоке (по-видимому, в северной части Балтийского бассейна).

⁵⁹ Перечень земель считается заимствованным из географических сочинений XII в. (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 178–179).

при море»). В обоих случаях Гостомысл и Огмунд остаются непобежденными, но теряют в войнах сыновей. Если Гостомысл княжит в Великом граде (Славенске), управляя прибалтийско-финскими и северными славянскими племенами, то Огмунд правит вначале в загадочном Гейрёдагарде⁶⁰, собирая дань с Прибалтики-Аустрвега, а затем в Хольмгарде, имея в подчинении земли Гардарики и того же Аустрвега.

Если принимать тождество Хольмгарда с Колмогардом ИЛ, нельзя не обратить внимание, что этот центр играет важную роль в судьбах данных персонажей, появляясь в обоих случаях ближе к концу их жизненного пути. Наконец, как история Гостомысла, так и тема Огмунда в саге заканчиваются заключением длительного мира с прежними противниками — варягами-норманнами⁶¹.

Как представляется, количество совпадений превышает вероятность случайного сходства. Фигурирование названий Колмогард и Бярмия в рассказе о Гостомысле с очевидностью указывает на неслучайность параллелей. Отмеченные аналогии побуждают с большей серьезностью отнестись и к определению в ИЛ Олега «урманским князем», что в свете приведенных данных выглядит не случайным совпадением, а еще одной эксклюзивной параллелью между ИЛ и «Сагой об Орвар-Одде».

Рассказ о Гостомысле в ИЛ значительно ближе к рассказу об Огмунде в «Орвар-Одд саге», чем о том же Гостомысле в «Сказании о начале Русской земли»⁶². Там же, где между сагой и рассказом ИЛ нет очевидной параллели, а именно в упоминании о завещании Гостомысла призвать варягов, наблюдаем совпадение между ИЛ и СРНЗ⁶³. Все это лишний раз говорит о совершенно разных истоках формирования текстов ИЛ и СРНЗ, а также указывает на нетривиальность совпадений между ИЛ и сагой.

Если отмеченные совпадения действительно не случайны, становится еще более очевидным, что автор ИЛ и «изобретатель» многих ее сведений не мог принадлежать к церковной (монастырской) среде XVII в., как это не раз предполагалось, ведь монах-летописец едва ли обратился бы к такому источнику, как материалы саг. Как представляется, возможности перед нами остаются две: 1) либо кто-то из хорошо знавших материалы саг ученых XVIII в., существенно переработав сведения «Орвар-Одд саги», включил их в состав псевдолетописи, 2) либо в формировавшийся на протяжении XI–XVII в. текст летописного характера⁶⁴ на определенном этапе было внесено устное предание, принадлежавшее к скандинавской историко-эпической традиции, но бытовавшее в новгородских владениях (как это, собственно, и предполагали В. Н. Татищев, Б. Клейбер, С. Н. Азбелев).

Оценивая обе возможности, важно иметь в виду, что, если сага изображает Огмунда однозначно отрицательным героем, признавая силу, прозорливость и мудрость этого персонажа, она в то же время наделяет правителя Гейрёдагарда и Хольмгарда всевозможными отталкивающими и негативными чертами, тогда как его противники (по всему соответствующие агрессивным

⁶⁰ Обратим внимание, что известное лишь из эпических текстов название «Гейрёдагард» соответствует структуре топонимов, обозначающих у скандинавов восточные (и только восточные!) значительные центры: *Хольм-гард*, *Кену-гард*, *Микла-гард* (Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 45–46), в то же время оно созвучно Gardar — первоначальному названию (Северной?) Руси (Джаксон Т. Н. Austr I Gørðum. С. 49–59).

⁶¹ Показательно, что гениальный воитель Одд так и не достигает своей главной цели — уничтожения злейшего врага, его побратим Торд остается неотмщенным. Такой исход явно плохо соответствует жанру героической легенды, к которому близки многие «Саги о древних временах».

⁶² Можно сказать, что, в отличие от ИЛ, параллелей и сходств между «Сказанием о начале русской земли» и «Орвар-Одд сагой» нет вообще, т. е. параллели между ИЛ и СРНЗ, с одной стороны, и сходства между ИЛ и ООС — с другой, взаимно не пересекаются.

⁶³ Хотя и в этом случае, объединяемые общей темой, оба рассказа совершенно различны.

⁶⁴ Ср. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. С. 32–33.

варягам ИЛ) изображаются борцами с исходящим от него злом. Несколько забега вперёд, следует заметить, что данное обстоятельство исключает вероятность перемещения скандинавского сказания об Огмунде в качестве «бродячего» эпического мотива в северорусскую этнокультурную среду. Устная основа сюжета ИЛ о Гостомысле, следовательно, должна восходить к сказаниям, близким по содержанию к преданиям об Одде и Огмунде, но таким, которые руководствовались иными приоритетами и политическими ориентирами⁶⁵.

Впрочем, было бы преждевременным углубляться в эти вопросы, не имея доказательств тому, что сюжет о Гостомысле не явился результатом целенаправленной переработки материалов саги автором XVIII в., почему-то пожелавшим развить и дополнить туманный образ «первого посадника» за счет сообщений «Орвар-Одд саги» об Огмунде.

Впервые «Орвар-Одд сага», сопровождаемая латинским переводом, была напечатана в 1697 г. небольшим тиражом; в 1711 г. подробный пересказ саги привел Тормод Торфеус в пространной «Истории Норвегии»⁶⁶.

Если исключить вероятность «достоверности» ИЛ, т. е. написания ее первоначального варианта в XI в. или же в XV–XVI в. на основе бытовавших в новгородских землях преданий, получается, что составить данный текст должен был ученый первой половины XVIII в., не только прекрасно разбирающийся в вопросах истории Руси и летописном материале, но и очень хорошо знакомый с «Сагой об Орвар-Одде». Последнее обстоятельство значительно сужает круг поисков и, возможно, поможет приблизиться к разгадке возникновения ИЛ.

Первым предполагаемым претендентом на авторство, конечно же, оказывается В. Н. Татищев, побывавший в скандинавских странах, интересовавшийся скандинавскими преданиями о Руси (России), приводивший обильные выдержки из трудов Э. Г. Байера об исторической номенклатуре Скандинавии⁶⁷ и, в частности, упомянувший труд Т. Торфеуса. Однако при этом В. Н. Татищев никоим образом не обнаруживает своего непосредственного знакомства ни с текстами Т. Торфеуса, ни с «Сагой об Одде», ни с сагами вообще.

Теоретически не исключено, что В. Н. Татищев мог быть знаком с какими-то изданиями саг, с «Орвар-Одд сагой» в частности, в период пребывания (в 1725–1726 г.) по заданию правительства в Швеции, где он знакомился с историческими достопримечательностями, изучал организацию образования и науки, приобретал книги⁶⁸.

Следует, однако, иметь в виду, что знакомство с «темой Огмунда» в «Саге об Одде» предусматривает подробное и тщательное изучение пространной редакции саги в целом. История Огмунда Эйтйовсбани не представляет собой обособленного фрагмента, будучи вкрапленной в текст отдельными эпизодами, и нет данных о том, что сюжетная линия Огмунда Флоки специально кем-то рассматривалась в XVII–XVIII в.⁶⁹ Крайне маловероятно, что скрупулезная работа по вычленению «линии Огмунда» (при полном игнорировании прочих, связанных с Русью-Гардарики сюжетов) когда-либо могла быть проделана В. Н. Татищевым.

Но известно, что в 1725 г. В. Н. Татищев коротко общался с одним из виднейших знатоков саг того времени, секретарем шведской Коллегии древностей Эриком Юлиусом Биорнером

⁶⁵ Подобные явления хорошо известны в германской эпике: ср. сказания и песни об Ёрмунрёкке-Германарихе, Дидрике-Теодорихе, мече Тюрфинге и т. д. Возможно, следует предполагать существование особого сказания (саги) об Огмунде, которое существенно пополнило (в XIV или XV в.) первоначальную (краткую) версию «Орвар-Одд саги».

⁶⁶ Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. С. 106–108.

⁶⁷ Татищев В. Н. История российская. Т. 1. С. 213–223 и далее.

⁶⁸ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 15–29; Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История российская. Т. 1. С. 7–10; Кузьмин А. Татищев (Сер. «Жизнь замечательных людей»). М., 1987. Вып. 4 (620). 2-е изд. С. 99–121.

⁶⁹ См., в частности, обзор литературы у К. Тиандера (Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. С. 106–113).

(1696—1750)⁷⁰, которому как раз принадлежит одно из первых исследований «Орвар-Одд саги» (1743 г.)⁷¹. Для нас особенно важно, что некоторые сюжеты саги Э. Ю. Биорнер попытался связать с событиями времен призвания варягов и правления Рюрика⁷². Тот же Э. Ю. Биорнер первым (или, во всяком случае, одним из первых) предположил, что герой саги Одд Стрела может быть тождественен Вещему Олегу летописей⁷³, на что определенный намек, как мы видели, содержится в «летописи Иоакима».

Из переписки В. Н. Татищева следует, что он не только получал от Э. Ю. Биорнера информацию, касающуюся сведений саг о русской истории, но и предложил шведскому ученому написать исследование о Древней Руси, которое было бы основано на скандинавских и шире — западноевропейских — источниках: «Гисторию российскую писать подрядил и дал наперед 10 червонных, чаю вскоре будет готова...»⁷⁴. Адресованное кабинет-министру И. А. Черкасову, данное сообщение датируется 27 июля 1725 г., но еще ранее, в письме от 14 мая, В. Н. Татищев сообщал о начале сотрудничества с секретарем Коллегии древностей, предоставившим (за вознаграждение из российской казны) «известие краткое, что до российской истории из здешних древних книг выбрать могут...»⁷⁵. К этому письму приложен написанный на латыни краткий план-проспект будущего труда, озаглавленный «*Conspectus spicilegii antiquitatum Russicorum ex Historiis praecipue Gothicis et Infrlandicis*»⁷⁶.

В том же году в письме, не имеющем более точной датировки, В. Н. Татищев сообщал И. А. Черкасову об успешном завершении Э. Ю. Биорнером поставленной задачи: «Наконец все российские цари и бояры той земли от Рождества Христова и даже до XIV века означены, яко же все их земли, войны, коммерции и другие особливые договоры с пограничными государствами и княжествами вкратце изъяснены...»⁷⁷. Здесь же В. Н. Татищев приводит сжатое содержание труда Э. Ю. Биорнера, в частности упоминая выведение автором россиян от славян, названных в VIII в. русами «от р. Русы или г. Русая», а последних от скифов.

Столь успешно проведенная работа осталась, однако, невостребованной и, насколько известно, нигде не публиковалась и не обсуждалась⁷⁸. Сам В. Н. Татищев в «Истории российской» ни разу не ссылается на ранее так восхваляемый труд Э. Ю. Биорнера и даже не упоминает его имени⁷⁹.

Едва ли из сказанного следует, что В. Н. Татищев мог присвоить какие-то идеи Э. Ю. Биорнера и именно поэтому не упоминал об этом авторе и о его заслугах перед исторической наукой. Скорее всего, начав самостоятельно собирать источники и изучать исторические труды, В. Н. Татищев смог убедиться в несовершенстве построений своего шведского коллеги.

Знакомство с основным трудом Э. Ю. Биорнера о Руси («*Schediasma historico-geographicum de Varegis...*») убеждает в том, что шведский исследователь имел самые общие сведения о ее

⁷⁰ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 20—26; Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России. С. 9.

⁷¹ *Vjoerner E. J. Schediasma historico-geographicum de Varegis, heroibus Scandianis et primis Russiae Dynastis*. Stockholm, 1743. P. 19—35, 57—60, etc. Электронную копию издания см. на сайте: <http://books.google.com>.

⁷² Там же. Ср. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. С. 107.

⁷³ *Vjoerner E. J. Schediasma historico-geographicum de Varegis, heroibus Scandianis et primis Russiae Dynastis*. P. 58.

⁷⁴ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 22.

⁷⁵ Там же. С. 21. См. также: Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России. С. 9.

⁷⁶ «Выписки из древнейшей русской истории, преимущественно готской и инфляндской».

⁷⁷ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 26.

⁷⁸ По сведениям П. Пекарского (Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 23), рукописному наследию Э. Ю. Биорнера принадлежала «*Historia Russorum antiqua*». По всей вероятности, это и была та самая доведенная «даже до XIV века» «История российская», которую поначалу так высоко оценил В. Н. Татищев.

⁷⁹ Вместе с тем нельзя не признать показательным, что, по словам В. Н. Татищева, к изучению древней истории России он приступил именно по прибытии из Швеции (Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 29—30).

истории, используя информацию латиноязычных сочинений и не прибегая к такому первоисточнику, как летописи⁸⁰. Еще более поверхностными были познания молодого Э. Ю. Биорнера о «русских древностях» во времена его общения с В. Н. Татищевым, о чем свидетельствует вышеупомянутый «*Conspectus spicilegii antiquitatum Russicorum...*», где автор пытается скомпилировать отрывочные сведения латиноязычных авторов и скандинавских саг⁸¹.

Судя по изложенному в «*Conspectus...*» плану, будущий труд должен был состоять из трех частей, первая из которых давала обзор древнейших сведений греко-римских авторов. Во второй должны были излагаться общие сведения скандинавских источников о Руси, ее провинциях и зависимых областях («*De Gardaricae divisione in suos comitates et provincias... partim proprias, partim tributarias*»).

Наиболее показательной является третья часть проспекта, в которой автор пытается сопоставить топонимикон скандинавских саг и исторических сочинений с известными ему по описаниям иностранцев городами и областями Руси. Здесь, в частности, встречаем: «*De Holmgardia seu Colmogardia. De Bulgarandea, vel Wodkummania seu Bulgaria. De Meginraetia seu Immeretia. De Paltescia seu Plescovia. De Refalandia seu Refania et Rhesania. De Kianugardia seu Kumenegardia... De Smalandia seu Smalenskwia... De Rafestalandia seu Rostovia... De Bialkalandia seu Bielskia, item Ingiria... De Serclandia seu Sircassia...*»⁸².

Как легко видеть, почти все сопоставления (за исключением нескольких прибалтийских названий) совершенно умозрительны и фантастичны. Если первые части сопоставлений взяты непосредственно из саг (или их латинских переводов), то вторые восходят к каким-то географическим сочинениям (спискам топонимов), в которых использованы как собственно восточноевропейские, так и опять же скандинавские (или немецкие) названия, как, например, *Refania, Viria, Ermalandia*.

Можно предположить, что при составлении «*Conspectus'a*» Э. Ю. Биорнер отчасти воспользовался описанием священника Себастьяна Главинича, посетившего Россию в составе посольства в 1661 г. Именно у него обнаруживаем набор названий, во многом совпадающий с названиями, приводимыми Э. Ю. Биорнером: *Plescovia, Bielskia, Rosthovia, Bulgaria, Sircassia*⁸³. Что особенно показательно и важно для нас, в этом же ряду у С. Главинича фигурирует *Colmogardia*. Последнее название упомянуто по соседству с *Кандалакшей* и *Каргополом*, что дало основание позднейшим исследователям отождествлять «*Colmogardia*» с *Холмогорами*, но для знатока саг Э. Ю. Биорнера более заманчивой оказалась, естественно, аналогия с древним *Хольмгардом*.

Наряду с *Colmogardia* в списке мнимых русских названий из «*Conspectus'a*» привлекает внимание *Kumenegardia*, напоминающее реку *Кумень* ИЛ⁸⁴.

Весьма показательно отождествляемое с г. Бельском (*Bielskia*) название *Bialkalandia* — оно явно восходит к *Bjalkaland* — топониму, упоминаемому только в «*Орвар-Одд саге*»⁸⁵ и

⁸⁰ Ср. *Vjoerner E. J. Schediasma historico-geographicum de Varegis, heroibus Scandianis et primis Russiae Dynastis*. P. 1–19.

⁸¹ *Пекарский П.* Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 21.

⁸² «*Хольмгардия или Колмогардия. Булгарендия или Водкумманя или Булгария. Мегинретия или Иммеретия. Палтеския или Плесковия. Рефаландия или Рефания и Резания. Кианугардия или Кименегардия... Смаландия или Смаленсковия. ...Рафесталандия или Ростовия... Биалкаландия или Бельския, так же Ингирия... Серкландия или Сиркассия...*» (Там же).

⁸³ *Себастьян Главинич. О происшествиях московских* (пер. А. Н. Шемякина) // Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1875. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Glavinic/text.phtml?id=346>.

⁸⁴ Впрочем, судя по ее отождествлению с *Kianugardia* (явно *Kaenugardr* = Киев саг), автор мог мыслить ее находящейся где-то на юге, и в таком случае в этом названии следует видеть видоизмененное «*Кумания*» — обычное для латиноязычной литературы название половецких степей. В списке встречаем еще отождествляемое с *Bulgaria* название *Wodkummania*, в котором можно заподозрить сочетание «*Водь*» и «*Кумания*».

⁸⁵ *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. С. 226–227; *Пріцак О.* Походження Русі. Т. II. С. 334–343, 429.

обозначающему область, подвластную правителю Гардарики (конунгу Херрауду)⁸⁶. Этот факт свидетельствует о том, что на момент знакомства с В. Н. Татищевым Э. Ю. Биорнер уже в какой-то мере владел материалом «Саги об Одде».

Таким образом, в особе Эрика Юлиуса Биорнера имеем ученого, который: а) интересовался древнерусской историей, и в частности варяжским вопросом, б) изучал «Сагу об Одде», фрагменты которой, как мы видели выше, по всей вероятности, отобразились в ИЛ, в) выдвинул предположение о тождестве норвежского героя Орвар-Одда с князем Олегом, на что косвенно указывает ИЛ, г) употреблял название *Colmogardia*, явно отобразившееся как Колмогард, а также *Kumenegardia*, напоминающее Кумень ИЛ. Кроме всего прочего, Э. Ю. Биорнер, как и автор ИЛ, связывал происхождение славян со скифами и считал русь не пришлым, а автохтонным племенем⁸⁷.

Означает ли все это, что Э. Ю. Биорнер мог быть автором Иоакимовской летописи или же прямо причастным к ее созданию?

Как уже отмечено, Э. Ю. Биорнер был поверхностно знаком со сведениями летописей, нет данных о том, что он интересовался вопросами церковной истории Руси, тогда как текст ИЛ представляет собой в основном как бы перетрактовку летописных данных, преимущественно связанных с утверждением на Руси христианства. Очень существенно, что в «*Schediasma...*» Э. Ю. Биорнера, посвященном вопросу о варягах, совершенно не отображена фигура Гостомысла, выступающего в ИЛ, во-первых, борцом с варягами, во-вторых, вдохновителем идеи призвания Рюрика. Кажется невероятным, что, если Э. Ю. Биорнер был причастен к созданию ИЛ, он мог совершенно игнорировать этого персонажа в исследовании о варягах на Руси.

И хотя окончательно вопрос об отношении Э. Ю. Биорнера к созданию ИЛ может быть решен, по-видимому, в ходе обращения к его рукописному наследию, и в частности к упомянутой П. Пекарским «*Historia Russorum antiqua*», все же представляется, что Э. Ю. Биорнер не обладал знаниями, необходимыми для составления такого текста, как ИЛ, и не интересовался теми вопросами, которые волновали создателей ИЛ⁸⁸.

Остается предположить, что кто-то воспользовался наработками Э. Ю. Биорнера, в частности приводимыми в его работах топонимами, для составления псевдолетописного текста. Совокупность данных приведет нас неизбежно снова к выводу, что таким человеком вряд ли мог быть кто-либо, кроме В. Н. Татищева.

С первого же взгляда выглядит довольно странным, что считавший материалы Э. Ю. Биорнера малопригодными для исторических реконструкций (ведь они не приводятся и не рассматриваются в основной части «Истории Российской») В. Н. Татищев счел возможным приписать эти же данные руке жившего в конце X в. епископа. Не менее удивительно, что, замышляя создание фальшивой летописи, В. Н. Татищев решил, что епископ Иоаким Корсунянин мог владеть теми же сведениями, что и составители саг в Скандинавии, и употреблять такие экзотические для Руси термины, как «Бярмия», «Колмогард» и «Гардорик».

Кроме того, В. Н. Татищев, конечно, не мог не понимать, что после публикации его труда рано или поздно станет очевидной манипуляция со сведениями, отнесенными на счет «донесторова летописания», но при этом прямо заимствованными у Э. Ю. Биорнера и С. Главинича. Причины, которые могли побудить выдающегося историка подвергнуть весь свой труд перспективе такого сокрушающего разоблачения, совершенно непонятны.

⁸⁶ *Ötvar-Odds saga*. Leiden, 1888. S. 170–187. Позднее в своей «*Schediasma...*» (С. 57) Э. Ю. Биорнер отождествил Бьялкаланд с летописным Белоозером.

⁸⁷ Ср. Татищев В. Н. История российская. Т. I. С. 111 и Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 26.

⁸⁸ Исторический кругозор автора ИЛ (если текст составлен в XVIII в.) должен был быть исключительно широким, количество задействованных источников значительным: Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. С. 119–155; Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 224–232, 239–344; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. С. 24–31.

В свое время Н. М. Карамзин обронил замечание, что Иоакимовская летопись есть не что иное, как шутка В. Н. Татищева⁸⁹. Может быть, следует вернуться к рассмотрению этой гипотезы на новом уровне?

Однако трудно отнести на счет невинной интеллектуальной забавы следующие указания: «Тогда диавол возьмет сердца вельмож нечестивых (воевод Святослава. — С. К.), начаша клеветати на христианы сущие в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же (Святослав. — С. К.) толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба не посчаде, но разными муки томя убиваше», «Он же (Святослав. — С. К.)... посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожесчи и сам вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити», «...не хотящих креститися воины влачаху и крестяху...», «Сего для людие поносят новгородцев: Путяга крести мечем, а Добрыня огнем»⁹⁰.

Речь идет, как видим, о вещах достаточно серьезных, с которыми едва ли вздумалось бы шутить такому внимательному и осторожному автору, каким был В. Н. Татищев. По той же причине представляется маловероятным и предположение о том, что кто-то из сведущих в летописании современников В. Н. Татищева решил пошутить над ним и для этого сочинил полную странностей и по тем временам вызывающе-крамольных измышлений псевдолетопись.

Мы попадаем, таким образом, в замкнутый круг противоречий, не позволяющих разделить убежденность ряда исследователей⁹¹ в том, что авторство В. Н. Татищева может считаться бесспорно доказанным.

Мнение авторов, допускавших наличие в ИЛ древней исторической основы, рано отклонять. Вопросы о происхождении и значении топонимов «Колмогард», «Кумень», а также об истоках параллелизма между сагами и рассказами ИЛ требуют, несомненно, дальнейших разысканий.

Общим выводом наших наблюдений над параллелями между сведениями ИЛ и рассказами «Саги об Орвар-Одде» может быть констатация двух возможностей: 1) включенный кем-то в Иоакимовскую летопись рассказ о Гостомысле восходит к историческим преданиям, сложившимся в этнически скандинавской среде в основных чертах не позднее X в. и бытовавшим, по-видимому, в устном исполнении до XV—XVI в., когда они были включены, с одной стороны, в состав «Саги об Орвар-Одде», а с другой — в состав ИЛ; 2) автором поддельной Иоакимовской летописи был ученый первой половины XVIII в., скорее всего малоизвестный, но при этом очень хорошо знакомый с древнерусским летописанием, ранней историей русской церкви и русско-византийских отношений, а также с пространной версией «Орвар-Одд саги».

⁸⁹ «Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностию говорить о летописце Иоакиме» (Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1816. Т. I. С. XXX).

⁹⁰ Татищев В. Н. История российская. Т. I. С. 111, 113.

⁹¹ Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. С. 241—245; Пчелов Е. Рюрик. С. 67.